

A woman and a man are shown in a high-contrast, red-tinted photograph. The woman is in the foreground, looking down and to the left. The man is in the background, looking towards the right. The overall mood is mysterious and intense.

Психопат:
ИГРА В ПРЯТКИ

ЕЛИЗАВЕТА СОЛЕР

18+

Елизавета Солер

Психопат: игра в прятки

«Автор»

2026

Солер Е.

Психопат: игра в прятки / Е. Солер — «Автор», 2026

Капитан Аннет Дюбуа — женщина, которая помнит всё. Это помогает ей расследовать самые жестокие преступления — и мешает жить, потому что из памяти нельзя стереть ни одного лица, ни одной раны, ни одного слова маньяка, который называет себя Пастырем. Когда на улицах Парижа начинают находить тела с библейскими посланиями, Аннет понимает: это не просто убийства. Это спектакль. И она — главная зрительница. Её новый напарник, инспектор Андриан Финч, тоже ищет этого человека уже пять лет. Вместе они бросаются в погоню, но чем ближе разгадка, тем страшнее становится правда. Пастырь не просто убивает — он хочет, чтобы Аннет смотрела. И чтобы она запомнила всё навсегда. Страсть, страх, одержимость, боль и желание переплетаются в этой истории, где каждый шаг может стать последним, а каждая ночь — новой битвой за себя. Первая книга дилогии — для тех, кто любит напряжённый сюжет, глубокую психологию и чувственность, от которой перехватывает дыхание. График выхода: вт, чт, сб.

© Солер Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Елизавета Солер

Психопат: игра в прятки

Глава 1

Франция, 2019 год

Декабрьский Париж пах каштанами, мокрым асфальтом и предпраздничной истерией.

Рождественские огни текли по бульварам, как расплавленное золото. Витрины кричали алыми бантами, духами «Шанель» и трюфелями, которые никто из простых смертных не мог себе позволить. На улицах толпились люди — с пакетами, с детьми, с нервными улыбками. Все куда-то бежали. Все чего-то ждали.

Аннет ненавидела этот месяц.

Она возвращалась с дежурства в начале одиннадцатого. Ботинки на низком устойчивом каблуке мерно стучали по тротуару. Чёрное пальто из плотной шерсти защищало от влажного ветра, из-под ворота выглядывал серый капюшон толстовки. Практично. Тепло. И ни следа женственности.

За последние две недели в Париже бесследно исчезли четыре проститутки. Не просто ушли с клиентом — испарились. Ни тел. Ни заявлений от сутенёров — те молчали, боясь лишнего внимания полиции к своему бизнесу. Ни записей с камер в тех кварталах — словно темнота сожрала их вместе с женщинами.

— Шлюх, конечно, не жалко, — бросил утром комиссар, даже не подняв головы от бумаг. — Но пресса уже нос суёт. Найди мне концы, Аннет. У тебя и Бернарда неделя.

Она тогда промолчала. Сжала кружку с остывшим кофе так, что побелели костяшки. Проглотила злость вместе с горьким осадком.

Сейчас, стоя в тупике, от которого воняло мочой, дешёвым вином и чем-то сладковато-гнилым, она снова слышала его голос.

Напарник остался в участке — разбирал бумаги, строчил рапорты, щёлкал клавишами с маниакальной дотошностью. Бернарду было двадцать девять, как и ей. Высокий, худощавый, с длинными пальцами музыканта и вечно взлохмаченными каштановыми волосами. В участке его звали «Профессор» за любовь к энциклопедиям, серийным убийцам викторианской эпохи и привычку цитировать судебную медицину за завтраком. Очки в чёрной толстой оправе, которые он постоянно поправлял указательным пальцем. Лучший напарник, какой только мог быть.

Вместе они обошли три места, где в последний раз видели пропавших. Глухо. Словно женщины растворились в воздухе.

Единственный свидетель — старый бродяга с ампутированной ниже колена ногой. Он копался в баке у «Монопри» и утверждал, что видел «здоровенного бугая, какой силой пихал бабу в тачку». На вопрос, как выглядел тот, бродяга развёл руками, обнажив грязные ногти:

— А шут его знает, месье. Чёрный, как сатана. Башлык на морду. А тачка большая, джип. Номеров я не разглядел. Ночь.

Всё. Тупик.

Аннет зашла в переулок, где — по словам того же бродяги — слышался женский крик. Фонарь здесь не горел, будто нарочно. Стены облезли, из сточной трубы сочилась слизь. Где-то капала вода — мерно, как секундная стрелка.

Она достала резинку из кармана, чтобы перетянуть волосы, — ветер трепал пшеничные пряди, лезущие в глаза. Передумала. Оставила распущенными. Редкий момент свободы.

У неё было лицо, которое называли «интересным». Не кукольная красота, не гламур, а что-то более глубокое. Пшеничные волосы, растрёпанные ветром. Миндалевидные глаза цвета

виски — тёплые, янтарные, с длинной щетинкой ресниц. Курносый нос, который в детстве дразнили «картошкой». Пухлые губы — искусанные в кровь от вечного напряжения. Скулы обозначились резче за последний год — не от голода, от бессонницы. Она была привлекательной женщиной, которая просто перестала этим пользоваться.

Она остановилась посреди переулка. Прикрыла глаза на секунду. Прислонилась плечом к холодной кирпичной стене. Просто чтобы перевести дыхание.

Она была чистоплотна до мании. Каждое утро — душ с гелем, пахнущим зелёным чаем. Волосы мыла через день, даже если падала с ног. Но всё, что касалось красоты, женственности, кокетства, умерло три года назад, вместе с браком. Макияж она теперь носила только на похоронах коллег. Духи — забыла, когда пользовалась в последний раз. Одежда: джинсы, толстовка, пальто, ботинки на низком каблуке — чтобы удобно было бегать, но не выглядеть как солдат. В шкафу пылились платья, которые она когда-то любила. Она не открывала ту дверцу.

Подъём в пять утра. Душ. Чёрный кофе с молоком без сахара — горький, как вся её жизнь. Один тост с апельсиновым джемом на ходу. В участке — ещё три чашки кофе, две с каплей коньяка из фляжки, которую Бернард делал вид, что не замечает. Домой в десять, иногда в час ночи. Кружка тёплого молока — и пустая, широкая, холодная кровать.

Иногда, в три часа ночи, когда сон не шёл, Аннет ловила себя на том, что ладонь сама ложится на живот. Тёплая кожа на прохладной. Пальцы скользили ниже — медленно, по памяти тела, которое помнило прикосновения. Она вздрагивала от собственной руки, замирала на полпути. Сжимала бёдра, чтобы прервать ощущение, впивалась ногтями в ладонь, пока боль не перебивала пульсирующее напряжение внизу живота. Оно тлело до утра, не снятое, неутолённое. А утром — душ, кофе, работа.

Сейчас, в вонючем переулке, она почувствовала это снова. Тупую, глупую вибрацию желания — от холода, щекочущего шею, от запаха опасности. Адреналин всегда бил в пах. Она резко одёрнула себя: *«Прекрати. Ты на месте преступления»*.

И в темноте что-то шевельнулось.

Пистолет «SIG Sauer» прыгнул в ладонь раньше, чем она успела подумать. Она передёрнула затвор, досылая патрон в патронник, потом глухо щёлкнул предохранитель.

Из кучи картонных коробок выскочила кошка — худая, рыжая, с порванным ухом. Промелькнула тенью и исчезла за углом.

Аннет опустила оружие.

И замерла.

На мокром асфальте остались следы. Красные. Кошачьи лапки — четыре округлых отпечатка, а между ними — мазки. Слишком много крови для крысы. Слишком ярко для старой лужи.

Что-то сжалось в солнечном сплетении. Холодок пополз от копчика вверх по позвоночнику — медленно, как палец по шее. Не страх. Предчувствие. Полицейское чутьё, которое она научилась доверять после пяти лет в уголовной полиции.

Она достала фонарик — маленький «LED Lenser», светивший на триста метров. Включила. Направила в темноту.

Переулок сужался к глухой стене. Слева — кирпичная кладка, покрытая граффити. Справа — ржавые двери складов. Вонь становилась сильнее. К запаху мочи и дохлятины примешался новый — сладковатый, приторный, как гнилые цветы. Трупный. Свежий, часов двенадцать-пятнадцать.

— Святая Мария, мать Божья... — прошептала она. Перекрестилась машинально — привычка из детства, которую не смогла убить даже полицейская академия.

Она сделала ещё пять шагов. Фонарик выхватил из темноты сперва ботинок — женский, на платформе, с оборками и бантиками. Потом ногу в чёрном ажурном чулке — стрелка сползла до щиколотки. Потом юбку, задранный до талии, обнажившую кружевные трусы.

Сердце заколотилось в горле.

Тело лежало в углу, между мусорным баком и стеной. Девушка — лет двадцати пяти, блондинка, с наращенными ресницами и маникюром, от которого остались только три ногтя, — смотрела в потолок пустыми, остекленевшими глазами.

Но взгляд не был самым страшным.

Грудь исполосована — поверхностно, будто художник рисовал лезвием. Кровь запеклась коркой. Живот — от лобка до рёбер — зиял разрезом. Не хирургическим, а рваным, грубым, словно вспарывали канцелярским ножом, торопясь и содрогаясь от нетерпения. И внутри — пустота. Аннет увидела рёбра, блестящие, как клавиши рояля. И чёрную дыру там, где должна быть матка.

Её вырвало. Сначала слюной, потом кофе. Кислый, горячий комок встал поперёк горла. Она отвернулась, сплюнула, вытерла рот тыльной стороной ладони. Желудок сжался ещё раз, но сухо.

«Держись. Ты полицейский. Ты видела и не такое».

Она подняла фонарь на лицо.

И замерла.

От уха до уха — разрез. Неглубокий, до мышц. Края стянуты скобами — самыми обычными, строительными, какие стреляют из степлера. Губы отсутствовали — срезаны под корень вместе с кожей. Зубы обнажены до дёсен, с розовым налётом засохшей крови. Улыбка. Безгубая, черепная, жуткая.

«Она улыбается. Он заставил её улыбаться».

Аннет почувствовала, как низ живота сжался в спазме. Жарко стало под пальто. Стыдно — до тошноты. Она закусил губу до крови, впилась ногтями в ладонь, сжала бёдра так сильно, что задрожали колени. Боль перекрыла всё остальное. Она знала этот механизм: граница жизни и смерти, кровь, насилие, адреналин — и организм, не понимая, реагирует единственным доступным способом, чтобы не сойти с ума. Она ненавидела себя за это.

— Работай, — прошипела сквозь зубы. — Просто работай.

Она подняла фонарь выше, на стену.

И увидела надпись.

Кровью. Крупными, почти каллиграфическими буквами, с нажимом — будто писавший наслаждался процессом:

«Первый ангел вострубил — и сделались град и огонь, смешанные с кровью, и пали на землю. Первая печать сорвана. Агнец снимает седьмую. Хотите остановить Армагеддон — найдите меня. У вас будет семь загадок. Первая — перед вами»

Аннет моргнула. Прочитала ещё раз. Потом — третий. Волоски на затылке встали дыбом.

— Псих, — прошептала она. — Настоящий, клинический псих.

Пальцы дрожали, когда она достала мобильник. Короткое SMS в дежурную часть с адресом. Потом нашла контакт Бернарда. Нажала вызов.

Он взял после третьего гудка.

— Алло. — Голос спокойный, чуть картавый. — Ты что-то забыла?

— Бернар, — голос дрогнул. Она сглотнула. — Приезжай. Срочно.

— Нашла что-то?

Она смотрела на безгубую улыбку, на зияющую чёрную дыру, на надпись кровью. Слова застревали в горле.

— Он... — Она замолчала. Перевела дыхание. — Он играет. С нами. С ними. С Богом.

— И во что? — тихо спросил Бернард.

Она прочитала цитату по памяти. Сбивчиво. Через паузы. Голос оседал на каждом слове.

— Семь печатей, Бернар. Он говорит, что у нас будет семь загадок. Первая перед нами.

В трубке повисла тишина. Слышно было только его дыхание — ровное, сосредоточенное. Она представила, как он поправляет очки, как хмурится.

— Значит, будет ещё шесть трупов, — медленно сказал он. — Если мы не успеем.

— Если мы не успеем, — эхом отозвалась Аннет.

Она отключила звонок. Сунула телефон в карман. Постояла секунду, глядя на тело, на стену, на пустой тёмный переулок, где даже звёзд не было видно.

Потом расстегнула пальто — стало душно. Провела ладонью по шее, смахивая капли пота. Коснулась ключицы, задержала пальцы на яремной впадинке — пульс бился часто и громко.

Она поймала себя на мысли, что хочет домой. В горячий душ. В пустую кровать. И чтобы кто-нибудь... просто обнял. Без слов. Без секса. Просто прижал к себе, уткнулся носом в макушку, сжал так, чтобы затрещали кости. Чтобы не думать.

Но некому.

Ветер донёс с соседней улицы детский смех. Счастливый. Беззаботный. Смех, который звучал особенно жутко рядом с безгубым трупом.

Аннет посмотрела на безгубую улыбку, на скобы, стягивающие разрез, и тихо сказала:

— Добро пожаловать в Париж, ублюдок.

Эхо не ответило.

Глава 2

Бернард примчался через двенадцать минут. Аннет услышала его раньше, чем увидела: характерный стук дверцы старого «Пежо», которую вечно заедало, и быстрые шаги человека, привыкшего ходить не спеша, но сейчас сбившего ритм.

— Ты как? — спросил он, подходя ближе. В свете единственного уцелевшего фонаря его лицо казалось бледным, очки блеснули, скрыв глаза.

— Голодная, — коротко ответила Аннет, не отрывая взгляда от тела. — И злая.

Она стояла, прислонившись плечом к ржавой двери подвала. Ноги дрожали — не от страха, от усталости и пустого желудка, который уже не требовал, а приказывал.

За спиной Бернарда выгружалась бригада. Четверо. Двое парней с чемоданами криминалистики, девушка-фотограф с зеркалкой на толстом ремне и молодой судмедэксперт Жюльен — тот самый, который вечно жевал жвачку и шутил над трупами, чтобы не сойти с ума.

Её телефон завибрировал. Аннет ответила, даже не глянув на определитель.

— Луи, я только что нашла тело. Пришли машину. — Пауза. — Нет, я не считала ранения. Я полицейский, а не судмедэксперт. — Ещё пауза, голос стал жестче. — Отправь фургон. Скоро начнётся дождь, улики смоем. Да, бригада уже здесь. Всё.

Она нажала отбой и сунула телефон в карман. Плечи опустились. На секунду закрыла глаза, уходя внутрь себя — туда, где нет трупов, рапортов и комиссара Луи.

— Хочешь, съездим в тот китайский, что у тебя за углом? — спросил Бернард тихо. — Лапша с креветками.

— Сейчас не до лапши, — ответила она, открывая глаза. Но голос дрогнул.

Криминалисты уже обступили тело. Жюльен присел на корточки, даже не поморщившись от вони. Его руки в тонких перчатках зависли над разрезом на животе, не касаясь.

Он молчал. Профессионализм не позволял лишних слов. Но Аннет заметила, как дёрнулся его кадык, когда он сглотнул.

— Сначала ей проломили череп, — начал Жюльен, чуть поворачивая голову. — Тяжёлым тупым предметом. — Он указал пальцем на впадину в височной области, скрытую под спутанными волосами. — Не убило сразу, но обездвижило точно. Она не сопротивлялась.

— Следов борьбы нет? — уточнил Бернард, делая шаг ближе.

— Ни одной царапины на руках, — подтвердила девушка-фотограф, снимая крупным планом кисти убитой.

Аннет заметила, что ногти у жертвы были наращенные, с красивым французским маникюром. От большинства остались только аккуратные розовые основания — три ногтя сохранились целиком, остальные сломаны под корень. Словно их выдирали, когда волокли по асфальту.

— А эти, — Жюльен перевёл взгляд на исполосованную грудь, — нанесены, когда она уже лежала. Видите угол? — Он провёл в воздухе линию. — Удары сверху вниз, под прямым углом. Без колебаний. Он знал, что делал.

— И что он делал? — спросила Аннет. Голос сел.

— Не знаю, — признался Жюльен. — Но резал не торопясь. И явно получал удовольствие.

Повисла тишина. Только дождь начинал накапывать — первые редкие капли зашлёпали по лужам, по пластику чемоданов, по лицам.

Аннет отошла к стене, туда, где надпись. Смотрела на буквы, выведенные кровью, запоминая наклон, нажим, форму заглавных. Феноменальная память уже раскладывала картинку по полочкам.

— Как ты её нашла? — спросил Бернард, оказавшись рядом.

— Помнишь, в двух кварталах отсюда нашли сумочку без документов и дешёвую искусственную шубу?

— Такую носят девочки Джехана.

— Ты наведалься к нему?

— Ждал тебя, — Бернارد поправил очки. — Он без женского присутствия не разговаривает.

— Завтра пойдём вместе.

— Договорились.

Она вдруг поймала себя на том, что смотрит на его руки. Длинные пальцы, аккуратные ногти. Пальцы человека, который проводит часы за книгами. И перед глазами мелькнула картинка — полгода назад, душевая после вечерней тренировки. Он не заметил её, а она успела увидеть его спину: широкие плечи, узкая талия, вода стекает по позвоночнику, свет лампы скользит по мокрой коже. Она тогда смутилась. И сейчас смутилась вдруг, в этом вонючем переулке, перед изуродованным телом.

«Прекрати. Не время и не место».

Она резко отвернулась.

— Всё, мы закончили, — объявил Жюльен, поднимаясь с корточек. — Тело забираем, улики упаковали, фото сделали. Отчёт о вскрытии будет завтра вечером.

— Почему так поздно? — Аннет развернулась к нему.

— Потому что Густов загрузил нас перестрелкой в центре. Трое убитых. Я не могу отодвинуть их.

— Дерьмо, — выдохнула Аннет. Не громко. Почти про себя.

Она сжала челюсти так, что заныли зубы. Бернارد шагнул ближе и положил ладонь ей на плечо — коротко, сдерживающе. Она почувствовала тепло его пальцев даже сквозь мокрую шерсть пальто. И не отстранилась.

— Тебе придётся договариваться с Густовым, — сказал Жюльен, пряча глаза.

— Договорюсь, — бросила Аннет. В голосе не было надежды.

Дождь начался внезапно. Ледяной, декабрьский, с мокрым снегом. Крупные хлопья били в лицо, таяли на ресницах, стекали за шиворот. Аннет вздрогнула, зажмурилась.

Бернارد расстегнул пальто и накрыл её плечо его краем. Потом взял под руку — крепче, чем требовалось. Его пальцы сжались на её предплечье, чуть задержались. Она чувствовала тепло его тела через мокрую ткань, и что-то шевельнулось в груди — не благодарность. Желание прижаться. Не к напарнику. К мужчине.

Она подавила это.

— Пошли, — сказал он, не отпуская. — Довезу до дома. Промокнешь — заболеешь. Завтра встреча с Джеханом — тебе нужен свежий вид.

— Спасибо, — тихо сказала она.

— Мы же напарники, — ответил он. Но в голосе было что-то ещё, чего она не могла определить.

Они шли к машине, перепрыгивая лужи, в которых плавали клочья тающего снега. Криминалисты загружали тело в фургон, хлопали дверцами. Кто-то выругался — «Чёрт, перчатки порвал».

В «Пежо» Бернارد завёл двигатель, включил печку. Аннет села, стянула мокрый капюшон, провела ладонью по лицу.

— Бернар, — спросила она, глядя в лобовое стекло. — А почему ты спросил про Джехана и свежий вид? Думаешь, он клонет на меня?

— Он клонит на любую юбку, — Бернارد пожал плечами. — Но на красивую — особенно. Она замолчала. Посмотрела на него. Он не отводил взгляда от дороги.

— Ты считаешь меня красивой? — спросила она. Вопрос прозвучал честнее, чем она хотела.

Он помолчал. Потом снял очки, протёр их о край рубашки — жест домашний, интимный, от которого у неё перехватило дыхание. Без очков его глаза оказались серыми, с тёмной каймой. Умными. Усталыми.

— Я считаю, — сказал он негромко, глядя теперь прямо на неё, — что ты слишком много работаешь, слишком мало ешь и совсем не думаешь о себе. А красивая ты или нет, — он перевёл взгляд на стекло, на размытые огни Парижа, — это ты у зеркала спроси. Не у меня.

Он надел очки и повернул ключ зажигания.

Аннет смотрела на его профиль. Он не назвал её красивой. И всё же внутри разрасталось что-то тёплое, запретное, от чего хотелось закрыть глаза и провалиться в это чувство.

— Скажи мне, — спросил он, выруливая из переулка, — когда ты собираешься сдавать на права?

— Никогда.

— Почему?

Она помолчала. Потом сказала тихо:

— Боюсь. Восемнадцать лет была авария. Я за рулём. С тех пор не садилась.

Бернард бросил на неё короткий взгляд. Ничего не сказал. Только сжал руль чуть крепче.

— У меня есть ты, — добавила она, стараясь, чтобы голос звучал легко. — И если я сдам, меня будут вызывать среди ночи. А так — едешь ты.

— Продумано, — усмехнулся он. — И умно.

— Безусловно. Это же я.

Он улыбнулся. Не напарнически — теплее. Аннет вдруг стало жарко в пальто, хотя печка ещё не нагрелась.

Она расстегнула пуговицы. Толстовка прилипла к груди — холодная, мокрая, обрисовывающая всё, что она так старательно прятала под мешковатой тканью. Соски затвердели — от холода. Или нет. Она не стала проверять.

Она скрестила руки на груди, делая вид, что замёрзла.

— Ладно, — сказала она, глядя на мелькающие за окном рождественские гирлянды. — Погнали. У нас впереди ещё очень много работы.

— И лапша с креветками, — напомнил Бернард. — Ты забыла.

— Я ничего не забываю, — ответила Аннет.

«Кроме того, как быть женщиной», — добавила она про себя.

Но это была неправда. Потому что сейчас, сидя в тёплой машине рядом с человеком, который смотрел на неё так, будто видел больше, чем она показывала, она чувствовала себя женщиной. И это пугало сильнее, чем изуродованный труп.

Глава 3

Аннет переступила порог своей квартиры в третьем округе — и голова взорвалась болью. Не мигрень. Что-то другое. Словно кто-то сжал мозг в кулаке и начал выжимать.

Она рухнула на корточки в прихожей, прислонилась лбом к холодной стене. В ушах гудело — глухо, ритмично, как пульс, многократно усиленный. Желудок сжался в тугий узел.

«Только не на ковёр», — мелькнула отстранённая мысль.

Она заставила себя подняться, цепляясь за стены. Добрела до ванной. Успела вовремя — её вырвало в унитаз. Кофе, желчь, пустота.

Она сидела на полу, прижимаясь лбом к прохладному фаянсу, и слушала, как затихают спазмы. Это была не болезнь. Её психика, перегруженная, измученная, решила справиться с кошмаром из того переулка. Лицо без губ. Скобы на разрезе. Чёрная дыра.

— Вставай, — сказала она в пустоту. Голос хриплый, чужой. — Не смей раскисать.

Феноменальная память — её дар и проклятие — уже начала раскладывать увиденное по полочкам. Она могла закрыть глаза и увидеть любую страницу из любого документа, который когда-либо читала. Могла прокрутить допрос трёхлетней давности и вспомнить, какого оттенка зелёный был на галстuke свидетеля.

«Память — это проклятие, которому ты научилась служить, — сказала ей когда-то капитан Леру, её бывшая наставница, женищина, заменившая ей мать в первые годы службы. — Не позволяй ей служить тебе. Иначе она сожрёт тебя заживо».

Сегодня был тот самый «когда».

Аннет поднялась, сполоснула лицо ледяной водой. Посмотрела в зеркало. Бледная, синяки под глазами, губы искусанные, с корочками крови. Волосы растрёпаны, слиплись от дождя.

Она знала, что не уснёт. В её голове, как в калейдоскопе, крутились образы. Нужно было вытащить их наружу. На бумагу.

Она прошла на кухню, заварила ромашковый чай. Горячий, почти обжигающий. Взяла карандаш и лист ватмана. Села на диван в позу лотоса, прямо в мокром пальто — плевать.

Сначала нарисовала план переулка. Выход один — чугунная калитка. Тяжёлая, скрипучая. Перерезать её бесшумно невозможно. Значит, убийца не выходил с телом через неё.

Она встала, прошлась по комнате, крутя карандаш в пальцах. Окна жилых домов выходят в переулок. Если бы он шумел, жильцы услышали бы. Район бедный, люди привыкли не совать нос, но звуки разносятся далеко. Темнота не глушит слух.

Значит, действовал тихо. И быстро.

Тело лежало рядом с мусорным баком — в самом тёмном углу, куда даже в полдень не падал свет. Бак перекрывал обзор с одной стороны, стена — с другой.

Аннет снова села, задумалась, грызя кончик карандаша. Где он разделял её? Не здесь же. Слишком рискованно. Привёз уже готовой. Но следов шин нет. Бернارد проверил бы — ничего не нашёл.

Значит, машина стояла подальше. Тело нёс на себе. Но вес — шестьдесят, семьдесят кило. Идти с таким грузом по открытому переулку, мимо окон? Безумие.

Она вскочила, подошла к рисунку вплотную. Если идти вдоль стены, прижимаясь к ней, человек внизу не попадёт в поле зрения жильцов. Им нужно либо высунуться, либо наклониться. Ночью, в холод, кто станет выглядывать в окно?

Она начала прорисовывать пожарные лестницы. Металлические, ржавые, вели к чердачным люкам. Не к подвалам. Подвалы были с другой стороны.

Карандаш двигался почти автоматически. Память подсовывала детали, которые она не заметила тогда, в темноте. Детали, зафиксированные на подсознательном уровне.

Карандаш остановился.

Она замерла. Глубоко вдохнула.

Под второй пожарной лестницей кто-то был. Тень. Сгорбленная фигура, прижавшаяся к стене. Человек смотрел на неё — на Аннет, на тело, на криминалистов. Потом исчез.

Она тогда подумала — бездомный. Испугался полиции.

Но сейчас поняла: тень исчезла не в подворотне. Она исчезла внутри дома.

— Там дверь, — прошептала она вслух. — Точно. Подвал.

В старых парижских домах часто были отдельные входы в подвалы — со стороны переулка. Ржавые, давно не открывавшиеся. Но если смазать петли...

Он принёс тело через подвал. Незаметно. Тихо. И ушёл тем же путём.

Аннет отложила карандаш. По спине пробежал холодок. Не страх — предвкушение.

— Надо вернуться туда завтра, — сказала она себе. — Найти тот подвал.

Она посмотрела на часы. Половина первого. Завтра будет долгий день.

Она сбросила мокрое пальто на пол, побрела в ванную. Смыть с себя запах трупa, который, казалось, вёлся в кожу.

Ванная была маленькой, уютной. Белая плитка, фиалки на подоконнике, свеча с лавандой. Она зажгла её.

Разделась у зеркала, не глядя на себя. Стянула мокрую толстовку, расстегнула джинсы — ткань набухла от воды. Осталась в чёрном хлопковом белье. Удобном. Не красивом.

Встала под душ. Горячая вода потекла по плечам, по спине, по животу. Она закрыла глаза, подставила лицо струям. Представила, как вода уносит всё: образ безгубой улыбки, запах крови, страх.

Она мылась механически, быстро. Провела ладонью по груди, смывая гель, — и тело отозвалось. Тепло, знакомый импульс. Она замерла на секунду.

«Нет. Не сегодня».

Она ускорила, сполоснулась, выключила воду.

Закуталась в махровое полотенце — единственное, что позволяла себе из роскоши. Накинула халат. Шёлковый, тёмно-синий — подарок бывшего мужа, который висел в ванной три года. Она его не носила. Сегодня надела почему-то.

И в этот момент зазвонил телефон.

Сердце пропустило удар.

— Спокойно, — сказала она в пустоту. — Просто сообщение.

Она взяла смартфон. Экран высветил уведомление от департамента полиции.

«Лейтенант Аннет Дюбуа, ознакомьтесь с личным делом капитана Андриана Финча. Временно переведён в ваш отдел из Манчестера для совместной работы по делу о серийных убийствах. Вступает в должность завтра. Внутренняя ссылка: #FIN/2312-19»

— Совместная работа? — переспросила она пустоту. — Мы только сегодня нашли тело.

Она нахмурилась. Перевод за две недели до Рождества? Из другого города? Другой страны?

Она включила ноутбук. Вбила номер дела.

На экране появилась фотография.

Мужчина смотрел прямо в объектив. Не улыбался. Тёмные волосы, чуть длиннее, чем принято в полиции, уложены назад. Чёткая линия подбородка. Глаза — светлые, яркие, с прямым, немигающим взглядом.

Аннет поймала себя на том, что смотрит на его лицо дольше, чем нужно. Захлопнула ноутбук с глухим щелчком.

— Ты что, — прошипела она в тишину. — У тебя маньяк на свободе.

Но взгляд всё равно запомнил детали. Высокий. Широкие плечи. Длинные пальцы. Без колец.

Она заварила новый чай. Старый остыл, стоял нетронутым на столе. Села на диван, кутаясь в халат, поджав под себя ноги.

И в этот момент услышала.

Тихий скрежет у двери.

Аннет замерла. Чашка застыла у губ. Сначала показалось — старый дом, всегда что-то скрипит.

Скрежет повторился. Металлический. Бумага шуршит.

Кто-то просунул что-то под дверь.

Она бесшумно поставила кружку. Встала. На цыпочках подошла к двери. Пульс отдавался в висках, в кончиках пальцев. Страх и возбуждение — дурацкая смесь, которую она ненавидела.

Присела. Увидела.

Под дверью лежал сложенный лист бумаги.

Она взяла. Поднесла к носу. Запах — сырость, старая бумага и... что-то металлическое. Слабо, едва уловимо. Или ей показалось?

Развернула. Почерк каллиграфический, с наклоном. Чернила чёрные.

«Детка.

Ты мне нравишься. Давай поиграем.

Я прячусь. Ты ловишь.

У тебя есть все шансы спасти оставшихся шесть девиц.

Первая подсказка — за картиной «Коронация Наполеона».

Не разочаруй меня, детка.

П.С. У тебя красивые волосы, когда распущены. Жаль, что ты их постоянно прячешь в пучок.»

Кровь отхлынула от лица. Холод разлился по телу — от затылка до пяток.

Он был здесь. Видел её. Знал, как она выглядит дома.

Она отшвырнула записку, схватила пистолет с тумбочки — SIG Sauer, заряжен, предохранитель снят. В одном халате рванула дверь, выскочила на лестничную клетку.

Пусто.

Только эхо её шагов, запах старой штукатурки и далёкий шум лифта, который только что уехал.

— Чёрт!

И тут же — шорох за спиной.

Она резко развернулась, вскинула пистолет.

— Воу, полегче! — мужской голос, спокойный, с лёгкой хрипотцой и английским акцентом.

Перед ней стоял он. С фотографии. Тёмные волосы, светлые глаза. Чёрное пальто с поднятым воротником, в руке — ключи. С брелоком, на котором красовалась эмблема парижской полиции.

Андриан Финч смотрел на неё с лёгкой улыбкой и одной приподнятой бровью.

— Так меня ещё никто не встречал, — сказал он, скользнув взглядом по пистолету, потом — по халату.

Аннет опустила взгляд. Полы разошлись — холодный воздух коснулся ключицы, бедра. Она быстро запахнулась, затянула пояс. В одной руке пистолет, во второй — край халата.

— Вы видели кого-то на лестнице? — спросила она резко.

— Никого. — Он нахмурился. — А должен был?

— Как вы поднялись?

— Как сами видите департамент выделил квартиру в этом доме. — Он поднял брелок, чуть качнув им в воздухе. — Я ваш сосед, лейтенант. Вон та угловая дверь.

Аннет посмотрела туда, куда он указывал. И правда — на её этаже это была единственная пустая служебная квартира.

— Капитан Финч, — сказала она ледяным тоном. — Прибыли для совместной работы. Я ознакомилась с приказом.

— Прекрасно. — Он всё ещё держал руки перед собой, чтобы она их видела. — Может, мы поговорим у вас дома? На улице не май месяц, а вы практически раздетая. Да и стоять тут, пока по городу разгуливает маньяк, так себе затея.

— Успеем, — сказала она, всё ещё не опуская пистолет. — Руки держите там, где я вижу. И объясните мне одну вещь.

— Какую?

— Почему капитан из Манчестера приезжает в Париж за две недели до Рождества, чтобы работать с лейтенантом над делом, о котором в Париже знают всего несколько человек?

Андриан покачал головой, повёл плечами, которые затекли, и ответил:

— Потому что ваш маньяк оставил точно такую же записку в Манчестере. Шесть месяцев назад. Четыре трупа. И я его не поймал. — Он помолчал. — А теперь он здесь. И он начинает снова. Если вы не против, лейтенант, я хочу исправить это. Вместе с вами.

— Четыре трупа, — медленно повторила она. — С разрезами?

— От лобка до рёбер. Пустые. Со скобами на лице.

Она молчала долгую минуту.

— Ну так что, допрос окончен? — спросил он. — Может, всё-таки зайдём? Ваш халат никак не хочет вести себя в рамках приличия. Мне нравится то, что я вижу, ну, а вы точно не в своей тарелке.

Глава 4

Тремя часами ранее.

Манчестер — Париж, трасса M20, затем Евротоннель.

Андриан Финч вёл машину левой рукой, правой сжимая пустую чашку из-под кофе — все подстаканники были завалены бумагами. За окном мелькала серая английская осень, сменяющаяся французской — такой же серой, с другими дорожными знаками.

Телефон завибрировал на пассажирском сиденье. Он глянул на экран — Марин. Её улыбающееся лицо на аватарке. Тогда они оба были молоды и верили, что поймают всех плохих парней.

Как же он ошибался.

— Андриан Финч, слушаю.

— Финч, у тебя с головой всё в порядке?! — рявкнула Марин. Динамик захрипел от громкости.

Он усмехнулся, хотя на душе скребли кошки.

— И тебе здравствуй, моя дорогая. Что случилось? Муж опять забыл про годовщину?

— Не придуривайся! Ты совсем рехнулся?!

Он знал, о чём она. Перевод. Рапорт, который он подписал три недели назад.

— Я в полном порядке, Марин. Даже лучше, чем обычно.

— Ты через месяц сдавал экзамены! Самый молодой капитан за десять лет! А ты переехал в Париж! Зачем?!

Андриан выдохнул. Мог бы солгать. Но Марин знала его слишком хорошо.

— Он снова объявился, — сказал Андриан тихо, глядя на дорогу. — На этот раз в Париже.

В трубке повисла тишина. Тяжёлая, долгая. Слышно было только дыхание Марин.

— Святая дева Мария, — прошептала она, наконец. — Ты помчался в Париж ловить Пастыря?

— Да, Марин. Именно за этим.

— Финч... — Она вздохнула, и в этом вздохе было всё: страх, усталость, та щемящая нежность, которая бывает только между людьми, прошедшими через ад вместе. — Прошло пять лет. Я уверена, это просто совпадение. Кто-то подражает.

— Нет. — Он покачал головой. — Тот же почерк, тот же способ нанесения ран, те же цитаты из Откровения. Он оставляет послания полиции. Ему нужна игра.

— Финч...

— Марин, я всё решил. — Он перестроился в правый ряд. — Я уже в Париже. Подъезжаю к служебной квартире.

— Ты не меняешься, — выдохнула она с обречённостью. — Упрямый баран.

— Нет, Марин, это же я. — Он позволил себе слабую улыбку. — Тот самый баран, который вытащил тебя из горящей машины. Помнишь?

— Помню. Поэтому я боюсь за тебя.

— Не надо. — Он заглушил двигатель, вытащил ключ.

— Уже познакомился с коллегами? — спросила она.

— Пока нет. Изучил досье.

— И кто они?

— Лейтенант Аннет Дюбуа и лейтенант Бернард Дассо.

— А, так что ты, капитан, будешь у них над головой. Дюбуа... — Марин задумчиво протянула. — А эта та с феноменальной памятью. Ты смотри, не обижай девчонку, влюбишь в себя. А ей потом страдать.

— Не ерничай, — сухо сказал Андриан. — Бернард — аналитик, его называют Профессором. Хорошая пара. Но серийников они не ловили.

— Значит, ты привезёшь им их первое серийное дело, — усмехнулась Марин. — Капитан с маньяком в багаже. Как романтично.

— Романтика, — Андриан открыл дверь, вышел из машины. Холодный парижский воздух ударил в лицо. — Ладно, Марин. Мне пора.

— Давай, — вздохнула она. — И, Финч... будь осторожен. Если это он. Помни он больной ублюдок.

— Это он.

— Конечно, конечно. — В её голосе прорезалась знакомая ирония. — Ты у нас главный охотник на призраков. Помнишь, как в прошлый раз ты утверждал, что видишь почерк Пастыря в каждом втором убийстве в Манчестере?

— То было другое.

— Да-да. — Марин передразнила его голос, сделав его ниже и серьёзнее: — «Это он, Марин. Я чувствую. Тот же наклон букв, та же одержимость Откровением». А потом оказалось, что это был просто психопат-неудачник, который насмотрелся новостей.

— Марин...

— Ладно, — сказала она уже серьёзнее. — Но если это не он, а просто больной ублюдок, который хочет славы — ты ведь это понимаешь? В Манчестере о нём писали. В Париже тоже могли прочитать.

Андриан молчал, глядя на дорогу.

— Я проверю, — сказал он наконец. — Но я знаю, что чувствую.

— Чувства не улика, Финч. — В её голосе послышалась усталость. — Будь осторожен. И если это он... тогда он действительно вернулся.

Он сбросил звонок и сунул телефон в карман.

В груди включилось что-то, что последние пять лет было выжжено дотла. Не надежда. Азарт охотника, почуявшего след.

Подъезд старого парижского дома встретил его прохладой и запахом сырости — смесью мокрой штукатурки, кошачьей мочи и вековой истории. Пол был выложен мелкой плиткой, давно потерявшей цвет. На стенах — облупившаяся краска, почтовые ящики с облезлыми номерами.

Лифт был кабинным, с решётчатой дверью. Андриан вошёл, дёрнул за ручку, и кабина, жалобно дребезжа, поползла вверх.

Он вышел на шестом этаже. Коридор — длинный, узкий, освещённый тусклой лампой дневного света, которая моргала каждые несколько секунд.

Квартира 69.

Он усмехнулся, глядя на табличку. Когда-то — в прошлой жизни, где была Скарлет, была надежда, был дом.

Он вспомнил их последний раз. Месяц назад. Может, два. Он перестал считать.

Они лежали в темноте, в её квартире, пахнувшей розами и дымом электронной сигареты. Она была сверху, двигалась без страсти — механически, как упражнение. Он смотрел в потолок. Её глаза были закрыты. Она думала о ком-то другом. Он знал это так же верно, как знал, что трава зелёная.

Она кончила — или сделала вид — и скатилась с него, отвернулась к стене. Через минуту засопела.

Он лежал, глядя в потолок. Чувствовал, как тело ещё помнит её внутри — тепло, влажно, чужое. Он не кончил. Она не спросила, почему.

Он встал, ушёл в душ. Стоял под холодной водой, глядя, как она стекает по груди, по животу, по бёдрам. Смывал её запах. И не почувствовал ничего. Только пустоту.

Вышел, оделся и ушёл, не разбудив её.

На следующий день он узнал про её кузена. И про остальных.

«Двадцать семь раз, — подумал он сейчас, глядя на номер 69. — Двадцать семь мужиков, пока я верил, что мы строим будущее».

Он не злился. Злость прошла ещё месяц назад. Осталась только усталое отвращение — к ней, к себе, к той жизни.

Андриан вставил ключ в замок. Повернул. Дверь открылась с лёгким скрипом.

Прихожая встретила тусклым светом одинокой лампочки. Он щёлкнул выключателем — пространство ожило.

Квартира была маленькой, но не тесной. Прихожая, отдельный санузел, гостиная, объединённая с кухней, застеклённый балкон и спальня — в ней помещались только кровать и шкаф. Всё скромно, без излишеств. Минимализм. Ничего лишнего. Ничего, что могло бы напоминать о доме.

Он бросил сумку на старый диван, обтянутый тёмно-серым велюром. Прошёл на кухню. Открыл кран, налил стакан воды. Сделал глоток — прохладная, с лёгким привкусом хлора.

Телефон завибрировал снова.

Скарлет.

Он вздохнул. Дал ей подождать три гудка.

— Слушаю, — сказал холодно, как незнакомцу в очереди.

— Это всё, что ты можешь мне сказать?! — голос Скарлет звучал обиженно и раздражённо одновременно.

— А я тебе что-то должен?

— Андриан, ну подумай, я ошиблась! С кем не бывает? Это же не повод отменять свадьбу за две недели!

— Повод, Скарлет. — Он поставил стакан на стол, провёл пальцем по краю. Внутренности затягивало в тугой узел. Не от боли — от омерзения. — И я больше не собираюсь это обсуждать.

— Ты хочешь знать, в каком свете ты меня выставишь?! Моя мать! Мои подруги! Все узнают! Чокнутый придурок!

— Скарлет. — Он произнёс её имя медленно, как приговор. — Мне плевать на тебя. На твою жизнь. На твою репутацию. Твой позор — минимальная плата. И поверь, ты ещё легко отделалась.

— Это было всего один раз! И то случайно! — закричала она, всхлипывая.

— Двадцать семь раз, — тихо сказал он.

В трубке повисла тишина.

— Что? — Её голос дрогнул, потерял весь напор.

— Ты изменила мне двадцать семь раз. Марк, Ален, твой кузен Лука, тот парень из спортзала с татуировкой дракона... продолжить? — Он говорил ровно, перечисляя как покупки в супермаркете. — Я всё знаю, Скарлет. Каждое имя. Каждую дату. Каждое место. Случайно... Как же.

— Я! Да как ты смеешь?! — Её голос перешёл в визг. — Мудак хренов! Импотент! Я ни разу с тобой не кончала!

— Да-да, — усмехнулся Андриан, чувствуя, как холодная пустота в груди сменяется горьким чувством отвращения. — Я мудак, импотент, чокнутый придурок, а ты — самая святая женщина в Манчестере. Всё, Скарлет. Больше не звони. Между нами всё кончено.

Он нажал отбой и, не раздумывая, добавил её в чёрный список.

Секунду стоял, глядя на потухший экран. Потом убрал телефон в карман. Провёл рукой по лицу — по щетине, которую не брил два дня, по подбородку, по векам, под которыми залегли глубокие тени.

Ему было тридцать два, а выглядел на сорок.

«Пора, — подумал он. — Пора заканчивать это. Начать новую жизнь. И для начала — бутылка красного сухого».

Он надел пальто, висящее в прихожей, и направился к выходу.

Но прежде чем открыть дверь, подошёл к зеркалу в прихожей. Посмотрел на отражение. Тёмные волосы, уже тронутые сединой на висках. Голубые глаза — когда-то яркие, теперь тусклые, с красными прожилками от бессонницы. Глубокие морщины у рта.

— Ну что, Финч, — сказал он отражению. — Ты этого хотел? Охотиться на монстра, пока сам не стал монстром?

Отражение не ответило.

Он открыл дверь и вышел в коридор, где моргала лампа дневного света.

И ещё не знал, что меньше чем через час увидит женщину в шёлковом халате, с мокрыми волосами и пистолетом в руке. Женщину, которая сама того не зная, уже начала переворачивать его мир.

Но это будет позже.

А пока — бутылка вина и тишина парижской ночи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.